

М.Н. Сербул

Шуйский

Шуйский Василий — родовитый боярин. Пушкин в своем незавершенном предисловии к «Борису Годунову» заметил о нем, что «он представляет в истории странную смесь изворотливости и силы характера».

Тайные мысли Шуйского устремлены к московскому престолу. Себя, «природного князя» «Рюриковой крови», а не «вчерашнего раба» Годунова, Шуйский считает достойным быть российским государем. И потому, пока Борис «хитрит», Шуйский предлагает Воротынскому:

Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Но вот Борис согласился принять престол, и Шуйский тут же придает своим словам другой смысл, говоря Воротынскому, что испытывал его, стремился узнать его «тайный образ мыслей». Воротынский с досадой называет Шуйского «лукавым царедворцем», очень точно определив суть его характера. В этом же ключе оценивает Шуйского и Борис Годунов: «Шуйскому не должно доверять: Уклончивый, но смелый и лукавый».

Смелость и «лукавство» Шуйского особенно ярко раскрываются в сцене его рассказа Борису о появлении самозванца под именем Димитрия. Успокаивая Бориса, Шуйский подтверждает, что видел убитого царевича, но между прочим упоминает и о нетленности его тела, то есть о святости покойного. Поэтому, немного позже, так потрясает Бориса Годунова на заседании царской думы бесхитростный рассказ патриарха о чудесах, происходящих на «могилке» царевича. Среди, всеобщего молчания и смущения (ремарка свидетельствует: «Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз оттирает лицо платком») только Шуйский не теряет присутствия духа и, выручая из затруднительной ситуации царя и бояр, смело говорит:

Так, государь — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Этот эпизод позволяет понять, почему Борис, не доверяя Шуйскому, тем не менее считает его нужным и полезным человеком. Недаром, умирая, он прямо завещает сыну выбрать себе в советники именно Шуйского.

Поддержка Шуйским заговора бояр против царя Бориса очевидна, и то, что он так и не появился в трагедии среди бояр-заговорщиков, лишний раз свидетельствует о его крайней осторожности. Вместе с тем именно Шуйскому «мятежный» Афанасий Пушкин сообщит первому о появлении Самозванца. В свою очередь, «разумный» Шуйский, отмечая «важность» вести, намекает Пушкину о «великой грозе», которая начнется, если эта весть дойдет до народа. И если вспомнить умение Шуйского «народ искусно волновать», то становится ясно, что «великая гроза» разражается не без участия «лукавого царедворца».